

Еще один аспект философской актуальности риторики, на который хотелось бы обратить внимание в заключении, связан непосредственно с вопросом о предмете философии. В качестве такого предмета может быть рассмотрен единый мир – в противоположность частным мирам. Существуют отличающиеся друг от друга частные миры – студентов, преподавателей, собирателей марок и автолюбителей. Мир науки – один из таких частных миров, хотя и особый, претендующий на статус единственного,

«истинного» мира. Однако возможность философии связана с выходом за пределы частных миров к миру универсальному. Такой мир не может быть ни одним из частных миров, ни суммой этих миров. Это может быть только горизонт, вырастающий из частных миров в процессе их трансцендирования, которое принципиально возможно в любой коммуникации. Именно в качестве рефлексии над опытом такой коммуникации философия неизбежно оказывается обращенной к сфере риторического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кассен Б. Эффект софистики. – М.–СПб.: Университетская книга, 2000. – 240 с.
2. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Т. 2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.
3. Лотман Ю.В. Риторика // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 515. – Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1981. – С. 8–28.
4. Блюменберг Х. Антропологическое приближение к актуальности риторики // Это человек. Антология. – М.: Просвещение, 1995. – С. 101–123.
5. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 282 с.

Поступила 08.11.2006 г.

УДК 1(091)(470)

РОЛЬ ОБЩИХ ПОНЯТИЙ И МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ПОНИМАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

О.В. Ботьева

Томский политехнический университет
E-mail: olga-boteva@mail.ru

Показана невозможность образования общего понятия исторического развития. Общих понятий вследствие разнообразия исторического материала может быть бесчисленное количество. Общее понятие – лишь одно среди многих. Для понимания единства исторического развития необходимы идеи. Если общие понятия создаются самим человеком, то идеи познаются умственным созерцанием, которое возможно как внутреннее воздействие на познающего идеальных существ. Идеи помогут охватить историю как целое, позволят увидеть не будущее, но конец истории и эволюции.

П.А. Сорокин справедливо отмечает, что схемы всемирно-исторического прогресса столь же разнообразны, как и интересы их создателей. Одних больше всего интересует прогресс антропологический, других – экономический, третьих – интеллектуальный, четвертых – моральный, пятых – политический. Одни выдвигают в качестве решающего фактора «социальной эволюции» «географические и климатические условия: климат, флору, фауну, ту или иную конфигурацию земной поверхности – горы, моря и т. д. (Л. Мечников, Ратцель, Мужоль, Маттеуци и др.); другие – чисто этнические условия, главным образом, борьбу рас (Гумплович, Гобино, Амон и др.); третьи – чисто биологические факторы: борьбу за существование, рост населения и др. (М. Ковалевский, Коста и др.); иные – экономические факторы и классовую борьбу (марксизм); многие, едва ли не большинство, – интеллектуальный фактор: рост и развитие человеческого разума в различных формах – в форме аналитических, чисто научных знаний (Де-Роберти, П. Лавров), в

форме изобретений (Г. Тард); некоторые выдвигают в качестве такого основного фактора свойственное человеку, как и всякому организму, стремление к наслаждению и избеганию страданий (Л. Уорд, Паттэн); иные – разделение общественного труда (Дюркгейм и отчасти Зиммель) и т. д.» [1. С. 522]. Социальная наука, по мнению Сорокина, чуть ли не вся ушла в область изучения эволюции общества, социального прогресса. Большинство исследователей общества, начиная с самого О. Конта, работало почти исключительно в сфере социальной динамики.

По мнению П.А. Сорокина основной недостаток концепций прогресса заключался в отсутствии в них общего понятия развития. Общественное развитие понималось по-разному, социальная наука, несмотря на все усилия, не выработала точного определения понятия общественного развития. В этой области существовало досадное разномыслие. «Если бы эволюция и прогресс были живыми существами, то, право, пришлось бы их пожалеть. Го-

сударственный муж, ежедневно посылающий на виселицу десятки людей, гражданин, протестующий против этого узаконенного убийства, защитник существующих устоев и революционер, разрушающий их, — все они, в конце концов, апеллируют к прогрессу. Нет почти ни одной подлости, которая не совершалась бы во имя прогресса. Каждый наряжает прогресс в свой собственный костюм и гримирует его на свой манер. Сходно с этим и положение понятия эволюции (развития). Между тем и то и другое понятие персоны немаловажные. Ни один «банкет» естествознания, ни одно заседание социологии не обходятся без участия этих понятий. Они обязательно должны присутствовать, как официальные персоны, «царствовать, но не управлять» [2. С. 67]. Свою статью «К вопросу об эволюции и прогрессе» студент П.А. Сорокин начинает в качестве эпиграфа словами из Библии: «И было среди них великое смятение» [2. С. 67]. Таким образом, П.А. Сорокин очерчивает необходимость выработки нового общеобязательного понятия развития (эволюции) «или же общеобязательного признания одного из существующих пониманий. <...> какая-нибудь область знания только тогда становится наукой, когда она имеет ряд общезначимых понятий: без точно дефинированных понятий «треугольник», «плоскость», «линия», «круг» и т. д. — не было бы геометрии, без точного понятия «элемента», «атома», «молекулы» и т. д. — не было бы химии ... Ясное представление ..., например о равнобедренном треугольнике, не дало бы мне еще понятия «треугольник» (вообще), ибо кроме равнобедренного треугольника, который я представляю, есть еще разносторонний, равносторонний, прямоугольный и т. д. ... наука ... тем выше, чем большим числом строго определенных и общеобязательных понятий обладает. Поэтому, отсутствие общезначимого понятия эволюции не может не отзываться отрицательно на дальнейшем росте естественных и социальных наук» [2. С. 72–73].

Многие философы считали, что невозможно создать одно общее понятие (общих понятий всегда будет много) для всего исторического и/или природного развития. Социологические (исторические) понятия мыслились С.Н. Булгаковым как пассивные, обладающие производным характером, являлись лишь более или менее точным логическим зеркалом действительности, давали лишь понимание связи событий, а не увеличивали наших знаний знаниями о будущем. Историческое понятие имеет значение символа, условного обозначения какого-либо ряда явлений, образуется путем слияния целого ряда различных, но между собой связанных событий, а не в результате выделения общего и повторяющегося во всех индивидуальных случаях.

С.Н. Булгаков указывает на роль социологии по отношению к историческому материалу и подвергает критике стремление позитивной социологии к установлению законов человеческого общества с математической точностью, на основании которых социологи могли бы предсказывать, как астроно-

мы предсказывают затмение солнца. По отношению к историческому материалу социология может выполнить генерализующую функцию. «Есть два способа изучения действительности: в одном случае внимание устремляется на *общее*, в другом на *особенное*» [3. С. 57]. Если история ставит себе задачу точного установления действительности с ее индивидуальными особенностями, то социология обобщает исторический материал. «Социальная наука ставит своей задачей наблюдение типов и закономерностей общественной жизни ... Метод социологии — генерализующий (...), а не индивидуализирующий (исторический). Яркое различие между конкретно-историческим и абстрактно-социологическим» [4. С. 124].

Социальная наука по отношению к истории своей ближайшей задачей должна была ставить — не прогнозирование будущего, а понимание настоящего через прошлое. «Из этого видно, что социология вовсе не способна расширить наш исторический кругозор и раскрыть для нас будущее, раз к этому не способна история, в прямой зависимости от которой она находится» [3. С. 59]. «В социологии мы имеем систему понятий, абстрагированных от определенной исторической действительности и имеющих целью сделать ее *понятной*, т. е. выразимой в связной сети логических понятий, различные соотношения которых являются социологическими законами» [3. С. 58]. История рассматривает индивидуальные, своеобразные, а социология — общие черты, эти науки не исключают друг друга, а объединяются.

Социальная наука способна соединить исторические элементы-события в «новом, отличном от каждого из них синтезе» [3. С. 58]. Такой синтез уподобляется «химическому соединению» (элементы-события истории теряют свою самостоятельность в исторических понятиях) в отличие от «механического выделения» понятий в физике. Таким образом, социологические понятия, по мнению С.Н. Булгакова, всецело зависели «от того конкретного исторического материала, от которого они абстрагированы. Изменяется этот материал, изменяются и понятия. Их может быть бесчисленное количество, вследствие разнообразия материала, создаваемого неисчерпаемым творчеством истории, а также и вследствие различия специальных целей, которые в каждом отдельном случае преследуются исследователем» [3. С. 58].

К.Р. Поппер также писал о том, что возможно множество исторических интерпретаций, дополнительных друг другу («Нильс Бор называет два подхода «дополнительными», если они (а) дополнительные в обычном смысле и (б) если они исключают друг друга в том смысле, что чем больше мы используем один из них, тем меньше можем использовать другой» [5. С. 41]). К.Р. Поппер писал, что создателю какой-либо исторической интерпретации надо всегда помнить, что его историческая интерпретация какой бы продуктивной она ни была — лишь одна среди многих.

Множественность социально-исторической реальности должна находить отражение в множественности исторических интерпретаций. Это необходимо не для предсказания будущего, а для более углубленного понимания социально-исторической реальности, а также для развития науки, для устранения из нее ошибок и просчетов.

По мнению В.С. Соловьева для более глубокого понимания и самое главное – для понимания единства исторического и/или природного развития необходимы не общие понятия, а идеи. Л.П. Карсавин определяет концепции прогресса как метафизику истории. Метафизика истории преследует решение одной из трех основных задач философии истории: «задача ее заключается в познании и изображении конкретного исторического процесса ... в свете наивысших метафизических идей» [6. С. 5]. Под понятие метафизику истории всецело подходят «общие построения исторического процесса, наиболее ярким и плодотворным из которых является попытка Гегеля» [6. С. 7]. Но познать конкретный исторический процесс в его целом, раскрыть смысл этого процесса возможно после решения двух других задач философии истории, таких как исследование первоначал исторического бытия, «которые вместе с тем являются и основными началами исторического знания, истории как науки» [6. С. 5], и рассмотрения этих первоначал в единстве бытия и знания, т. е. указания значения и места исторического в целом мира и в отношении к «абсолютному Бытию» [6. С. 5]. Если «философия истории ограничивает себя первой задачей, она является теорией истории, т. е. теорией исторического бытия и теорией исторического знания. Поскольку она преследует решение второй задачи, она – философия истории в узком и специальном смысле термина «философия»» [6. С. 5]. Но, чтобы заниматься метафизикой истории необходимы высшие метафизические идеи, сформированные философией истории в первом и философией истории во втором смысле.

Если эти первые две задачи философии истории не решены, то метафизика истории (а социологию как теорию прогресса следует считать таковою, а не наукою вовсе) начинает искать законы истории, другими словами, повторяющиеся причины исторического развития. «Обычно признаком «научности» истории полагается причинное объяснение исторических «фактов»; и во всякое определение исторической науки включают, в том или ином виде, термин «причина». Дело не меняется от того, что некоторые «методологи» и даже «философы» считают нужным говорить о «психической причинности», чем проблема лишь осложняется, или выделяют категорию «фактов», причинному объяснению не подлежащих» [6. С. 15]. Метафизические начала заменяются в теориях прогресса причинами.

По мнению Л.П. Карсавина внешнюю причину можно установить лишь у изменения, но не у ра-

звития. «Под *изменением* мы разумеем появление в предмете новых, извне привходящих к нему свойств или исчезновение (*во вне*) старых, переменну во взаимоотношении вещей или разъединимых частей одной и той же вещи. Так, предмет «изменяется», когда мы его освещаем, красим, режем на части, когда делаем иным его внешний вид и внутреннее строение (например – мнем в руке кусок хлеба или воска). Так происходит «изменение», когда мы по иному распределяем в комнате мебель, фигуры на шахматной доске, когда разрушается какое-нибудь здание и т. п. ...В изменении мыслится перераспределение уже существующих соположно элементов, привхождение уже существовавшего вне» [6. С. 9–10]. Изменение предполагает систему (пространственно разъединимую совокупность неизменных элементов). Изменением будет перераспределение элементов системы, изменяться будет соотношение неизменных элементов, сама система неизменных элементов. «*Изменение есть непрерывно меняющаяся во времени система взаимоотношений пространственно разъединенных элементов*» [6. С. 12]. Л.П. Карсавин отмечает связь между категориями изменения и причинности. Понятие об изменении естественно связывать с понятием о той причине (силе), которая его вызывает и действие которой в нем обнаруживается. Изменение ставится в зависимость от действия некоей причины, вызывающей данное следствие.

В теориях прогресса произошла подмена понятия развития понятием изменения. Таким образом, произошло расщепление истории на отдельные «факты», события, которые в свою очередь мыслились как неизменные. История разлагалась на последовательность моментов неизменности, на прерывную совокупность точечных элементов, на ряд состояний покоя, на множественность элементов уже неделимых. Исторический процесс стал рассматриваться как взаимодействие между средою и индивидуумом (объективисты), или как взаимодействие между «психической причиной» и индивидуумом (субъективисты). Последователи О. Конта боролись с понятием «психической» причинности, со стоящим за ним метафизическим понятием души, скрывающимся за мыслью о причинно воздействующей силе. Но понятие функциональной связи разъединенных элементов также плохо совмещалось с историческим методом. Исторический метод не согласуется с причинным истолкованием, т. к. история есть развитие, а не изменение. «*Развитие* же, действительно, от изменения принципиально отлично» [6. С. 12]. Система может изменяться, а организм, целое, развивается. В истории развивается общественный организм, коллективный человек, другими словами, и отдельный человек, индивидуальный человек. Целое «вовсе не состоит из атомов. Оно меняется непрерывно, непрерывно становится качественно иным, становится изнутри, из себя самого, а не путем присоединения к нему чего-то *извне*. Нельзя представить себе развивающееся, как таковое, состоя-

шим из частей или слагаемым частями... Развивающееся не допускает никакой атомизации, хотя ею, на беду себе, и грешит «естественная наука о душевных явлениях», которую справедливее было бы назвать противоестественною.

Развитие необходимо предполагает то, что развивается. Нет развития без субъекта развития. Но субъект не вне развития — в этом случае он бы нам совсем был не нужен, — а в самом развитии. Нет субъекта и развития, а есть развивающийся субъект... в теории развития... нет нужды... в понятии причинности или причиняющей силы, так как для применения понятия причинности необходима прерывность» [6. С. 13–14].

Но в самом развитии есть реальные основания для склонности вносить в развитие разъединенность: «развивающийся субъект всегда противопоставит другим» [6. С. 14] развивающимся субъектам. Коллективный человек противопоставит человеку индивидуальному, а также, человечество в индивидуальной и коллективной ипостасях противопоставит царству природы. Внешнее соотношение субъектов развития ставит нас перед понятиями разъединенности, системы, причинной связи. Таким образом, «необходимо понятие высшее, чем развитие и изменение. Во всяком случае, необходим дальнейший и более обстоятельный анализ». Но прежде чем перейти к нему, вернемся к причинному объяснению в исторической науке. «В конкретно-историческом исследовании очень часто причинное объяснение при ближайшем анализе оказывается мнимым, простою тавтологией. Так, очень нетрудно объяснять французские революции XVIII–XIX веков любовью французов к равенству и ненавистью их к неравенству... Но не следует забывать, что французские «любовь к равенству» и «ненависть к неравенству» или, если угодно, «легкомыслие» французов как раз и являются свойствами причинно объясняемых ими революций. В сознании «исследователя» они возникают как общие понятия, живущие именно в объясняемом ими или, если предпочесть другой способ выражения той же самой мысли, как «отвлекаемые» от того, что ими причинно объясняется. Подобным же образом можно объяснить вспышки гнева гневностью и считать склонность философствовать причиной философствования» [6. С. 17–18].

Все попытки выведения одного исторического явления «из другого сводятся только к указанию общей им черты: никому еще не удавалось вывести из организации производства систему Канта или учение о Троице в бл. Августина» [6. С. 25]. И «идеалистические» и «материалистические» толкования истории рассматривают это «общее» как причину. «Однако... это будет ошибкою. — Мы не знаем «общего», как отвлеченной реальности, и у нас нет ни малейших оснований и ни малейшей надобности подобную отвлеченную реальность признавать» [6. С. 26].

Таким образом, там, где расчленяется органически целое и начинается причинно объясняться, мы

легко обнаруживаем мнимость, беспомощность и неудовлетворительность причинного объяснения. Историк оказывается в ситуации, когда он не в силах разобраться среди множества причин и сказать, какая из них важнее, какая влияла больше, чем прочие, какую причину можно признать за «универсальную» причину всех исторических явлений, можно ли считать «организацию производства» таковой, или «универсальной» причиной следует признать «протестантскую этику»? Каждый социолог частично прав, любой из приведенных факторов имеет свое относительное значение. Но в конкретной действительности все эти факторы взаимозависимы и взаимосвязаны. «Говорить о факторе, то есть о центральном факте, увлекающем за собой все остальные, для меня то же, что говорить о тех каплях речной воды, которые своим движением обуславливают преимущественно ее течение. *В действительности мы имеем дело не с факторами, а с фактами, из которых каждый так или иначе связан с массой остальных или обуславливается и их обуславливает*» [7. С. 8].

Конечно, без дополнительного анализа мы не можем рассматривать историю полностью как непрерывный процесс. Но, с другой стороны, мы не можем всецело разлагать историю на бесконечно малые обособленные элементы, если только мы не хотим идти по пути резкого искажения исторической жизни. Есть предел делимости истории, предел прерывности истории, и этим пределом являются исторические субъекты развития. Последними «единицами» исторического процесса будут индивидуальный и коллективный человек. «Отец (или крестный отец) социологии мог представлять себе человечество как одно единое и даже великое существо» [8. С. 8], но социальные группы и отдельного человека нельзя себе представить пассивными в социальной жизни, как, например, это делал Платон. Поэтому, по мнению Г. Тарда, «общество, если его и нельзя сравнивать с организмом, может быть сравниваемо с одним привилегированным органом — мозгом. Общественная жизнь в конце концов представляет собой необычайную экзальтацию жизни мозга» [8. С. 6–7]. Отдельные люди и социальные группы равны в своей активности: «в связи с началом свободы, вытекает принцип всеобщности участия членов общества в общественной жизни и в этом смысле — их равенства» [9. С. 19]. Равенство активности существует несмотря на то, что общество иерархически организовано. «Всякое живое, плодотворное, подлинно компетентное общественное делание необходимо предполагает, напротив, иерархическую структуру, связь человека с высшим единством через посредство ближе ему доступных и более обозримых промежуточных объединений» [9. С. 17]. Таким образом, историческое развитие имеет множество субъектов развития.

Но взаимодействие исторических субъектов развития, коллективной и индивидуальной личностей, нельзя мыслить как причинное. Личность,

воспринимающая воздействие другой личности, не остается пассивной, не только «страдает», она «действует, воспринимает воздействие потому, что, грубо говоря, хочет воспринимать... В каждом индивидууме, поскольку он воспринимает воздействие другого и развивает то, что получает от него и делает своим, и поскольку он воздействует на другого сам, есть нечто беспричинное, даже не разъединимое на свое и чужое, на пришедшее извне и выросшее изнутри, хотя, как будто, нечто извне и пришло» [6. С. 22].

В.С. Соловьев считал, что идеи познаются умственным созерцанием. Но как возможно непосредственное познание идей или умственное созерцание? Умственное созерцание «не есть для человека состояние обычное» [3. С. 206], человек не родился с этой способностью. Непосредственное познание идей осуществляется, по мнению Соловьева, благодаря внутреннему действию на нас идеальных (трансцендентных) существ. «Если действительное наше познание о внешних явлениях зависит от действия на нас внешних существ или вещей, то также и действительное познание или умственное созерцание трансцендентных идей должно зависеть от внутреннего действия на нас существ идеальных, или трансцендентных. Дело в том, что ни явления, ни идеи не могут существовать сами по себе, а также и не могут быть чисто субъективными определениями нашего существа (ибо тогда не будет определяющего): и те и другие, следовательно, имеют своих собственных субъектов, и действие этих субъектов производит в нас

как чувственное познание явлений, так и умственное познание идей» [9. С. 207].

Эмпиризм и рационализм стремятся к объективному познанию без идеальных существ, но явления и общие понятия — это лишь формы проявления особенных существ, без которых явления и общие понятия становятся субъективными. Существует множество эмпирических и рационалистических концепций прогресса, авторы которых за явлениями и общими понятиями не видят идей, а за идеями — деятельные причины этих идей, приводящие человека в возможность созерцать сущие идеи, авторы этих концепций утверждают историческую действительность из самих себя. «Очевидно, что действительность чего-нибудь другого может иметь в нас только пассивное основание, то есть мы не можем сами из себя ее утверждать, а можем только воспринимать ее как действие этого другого на нас» [9. С. 232].

В.С. Соловьев определяет общий недостаток западной философии как постоянное обособление и гипостазирование общих логических понятий [9. С. 132]. Любое логическое понятие есть всего лишь отвлечение от какого-либо класса явлений. Сущность рационального (философского) познания заключается именно в анализе, разложении конкретного, т. е. в том, что категории или образующие начала сущего выделяются, «эти категории, будучи взяты в своей отдельности, представляются по себе сущими как такие, т. е. гипостазированы, им приписывается действительное бытие, которого они в своей особенности не имеют» [9. С. 75].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин П.А. О так называемых факторах социальной эволюции // П.А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — С. 521–531.
2. Сорокин П.А. К вопросу об эволюции и прогрессе // Вестник психологии, криминологической антропологии и гипнолиза. — Отд. изд.: СПб., 1911. — Вып. 3. — С. 67–95.
3. Булгаков С.Н. Собрание сочинений в 2 т. Т. 2. Основные проблемы теории прогресса. — М.: Наука, 1993. — С. 46–94.
4. Булгаков С.Н. Христианская социология // СОЦИС. — 1993. — № 10. — С. 120–149.
5. Поппер К. Ницше историзма // Вопросы философии. — 1992. — № 9. — С. 22–48.
6. Карсавин Л.П. Философия истории. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 510, [2] с.
7. Ковалевский М.М. Сочинения в 2 т. Т. 2. Современные социологи. — СПб.: Алетейя, 1997. — 414 с.
8. Тард Г. Социальная логика. — СПб.: Социально-психологический центр, 1996. — 554 с.
9. Франк С.Л. Религиозные основы общественности // Путь. — 1925. — № 1. — С. 8–23.
10. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2. Кризис западной философии (Против позитивистов). — М.: Мысль, 1990. — С. 3–138.

Поступила 26.12.2006 г.